

Е.С. Отин

УДК 81'373.2:81'374

СЛОВАРЬ КОННОТОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ РАБОТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Реферат. В статье сообщается об истории создания первого в ономастической лексикографии словаря коннотативных собственных имен, намечается перспектива дальнейшей работы по его совершенствованию и пополнению новыми материалами.

Ключевые слова: коннотативный оним (коннотоним), словарь.

Работа над «Словарем коннотативных собственных имен» началась в 70-е годы прошлого века, в ту пору, когда отсутствовал еще сам термин “коннотативный оним” и его однословный вариант коннотоним. При этом само явление вторичной номинации посредством семантически обогащенных СИ давно уже вызывало интерес лингвистов: о нем как об одной из разновидностей т. н. антономазии в «Кратком руководстве к красноречию» писал М.В. Ломоносов [3, с.248]; Д.И. Фонвизин рассматривал коннотонимы как “имена, употребляющиеся в метафорическом смысле” [14, с.254]; академик Л.В. Щерба писал о “нарицательных значениях” собственных имен [16, с.279]. Развитие “нарицательных значений” в антропонимах в 30-е годы прошлого века исследовали Б.М. Ляпунов и В.И. Чернышев [4; 15]. Вторичные созначения географических названий В.А. Никонов в своей книге «Введение в топонимику» (1965 г.) обозначил не совсем удачным термином “от-топонимические значения”.

Собственные имена с референтными коннотациями, не испытывавшие полной деонимизации, уже не “чистые” онимы, но еще и не апеллятивы, т.е. лексемы “промежуточного” состояния – мезонимы, можно найти и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Ушакова (1935-1940), в четырехтомном «Словаре русского языка» (1981-1984), 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1948-1965), а также в других словарях и словарных справочниках 70 – 80-х годов прошлого века. Судя по «Сводному словарю современной русской лексики», содержащему более 170 тысяч слов из 14-ти наиболее популярных словарей русского языка (в том числе и иностранных слов), в их словник вошли и получили толкование только 73 онима, большая часть которых – антропонимы (с преобладанием среди них мифоантропонимов и поэтонимов), намного меньше среди них топонимов (9) и зоонимов (7) и только один – библионим (Домострой). При этом смысловая структура включенных в словари коннотонимов раскрыта в них очень неполно: как правило, отмечается только одно референтное созначение.

Первая попытка системного анализа семантически обогащенных собственных имен, установления их типологии была предпринята нами в 1978 г. [5, с.47-53]. Коннотативные онимные единицы были разделены на две категории – узуальные иokkaзиональные; первые, в свою очередь, в зависимости от степени известности и широты использования, – на интралингвальные и интерлингвальные. В 1980 г. в ежегоднике «Вопросы ономастики» (Уральский университет) были впервые опубликованы пробные статьи будущего словаря [6, с.3-13]. Я

тогда еще не представлял, какая длительная поисковая работа мне предстоит. Встреча с коннотонимом непредсказуема. Обнаружение новой словарной единицы – большой успех, и даже ради регистрации ее употреблений приходится обследовать, говоря словами поэта, “тысячи тон словесной руды” – огромный массив текстов из памятников письменности и художественной литературы уже ушедшего и нашего времени, публикации в газетах и журналах, записи диалектной и жаргонной речи и т.д. Незадолго до кончины уже тяжело больной академик О.Н. Трубачев в своей речи на торжественном собрании в Российской государственной библиотеке по случаю его 70-летия (в октябре 2000 г.) очень точно назвал словарников “марафонцами науки и научной практики”, которые, как никто другой, развили в себе <...> способность радоваться своему бесконечному делу, находить там, где не очень посвященные видят одну рутину, находить там, повторяю, там эти радости лексикографа, о чем я неслучайно говорю, может быть, неоднократно, черпая эту радость в почти повседневных находках – больших и поменьше” [13, с.17].

К середине 80-х годов были уже определены принципы построения словаря, к 2000-у году была в основном завершена разработка типологической классификации коннотативных онимов (публикации на эту тему были помещены в 13-м выпуске сборника «Русское языкознание» (издание Киевского ун-та, 1986 г.) [8, с.38-45] и в ежегоднике Отдела терминологии и ономастики Ин-та укр. языка АН Украины «Українська пропріальна лексика» [7, с.122-128]). Работа над проблемой типологических разрядов коннотонимов и отконнотонимных производных, способах и приемах их лексикографической репрезентации продолжалась и в последующие годы. Итоги ее были обобщены в 2003 году [9, с.55-72]. Эта работа продолжается и сейчас. До выхода словаря в свет в 2004 г. в издательстве “Юго-Восток” [10] более 20 раз в разных изданиях печатались пробные статьи к этому словарю; больше всего их было опубликовано в разных выпусках «Восточноукраинского лингвистического сборника» [12].

Вторым изданием словарь вышел в 2006 г. в Москве в ООО «А Темп» с предисловием В.М. Мокиенко. Первое (донецкое) издание уже получило семь рецензий: профессора Одесского университета Ю.А. Карпенко («Мовознавство», 2004, №5-6, с.99-101); зав. к-рой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, академика РАН В.М. Шаклеина (журнал «Мир русского слова», Санкт-Петербург, 2004, №4, с.110-112); профессора В.В. Шаповала («Русский язык в школе», 2005, №2, с.107-110); доктора филологических наук Леси Ставицкой,

зав. отделом социолінгвістики Інститута українського мовознавства НАН України, – в 11-м номере журналу “Критика” (Київ) за 2004 г.; професора Брненського університету Алеша Бранднера (Zbornik praci Filozofické fakulty brnenské univerzity A (53), 2005, ss.236-238), професора, зав. кафедрой русского языка Витебского государственного университета А.М. Мезенко («Беларуская лінгвістыка», 2005, вып.55, с.117-119) и профессора кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького М.Э. Рут («Вопросы ономастики», Екатеринбург, 2005, №2, с.179-182). Рецензенты оценили словарь как не имеющий аналогов в современной лексикографии, отметили содержательность его словарных статей. Указывая на отдельные недочеты и неточности в словаре, ведя с автором научную дискуссию, они нашли хорошие слова, воодушевляющие на продолжение поисков в необъятном пространстве коннотативных онимов, начатых еще тридцать лет назад. Не скрою, очень приятны слова Ю.А. Карпенко: “...опис кожного коннотонима. – Е.О.) являє собою окрему наукову розвідку, яка вимагала каторжної збирацької праці і ювелірної тонкості у визначенні семантичного навантаження та розмежування функціональних відтінків”; В.В. Шаповала: “В ряде словарных статей имеются содержательные примечания, раскрывающие как историю употребления имени, так и историю его изучения, которые не только ценны сами по себе, но и написаны как увлекательные микроновеллы, содержащие дополнительный богатый материал”; М.Э. Рут: “Сами словарные статьи читаются как захватывающие истории об именах. Блистательны, в частности, разработки онимов Васюки и Уотергейт, Наполеон и Пушкин (список можно продолжать долго)”; академик В.М. Шаклеин заметил, что “этот словарь ориентирован, как любой прототипический словарь, на нетривиальные знания о мире” и отметил его концептуальность.

По подсчетам Ю.А. Карпенко, в словаре представлены 53 типа коннотонимов. Впервые в особый разряд выделены мотивированные ими образования – отконнотонимные производные, или деконнотативы, сберегающие в своей смысловой структуре коннотемы базовых онимов или с уже “поблекшими” и даже “потухшими” коннотемами (например: *ньювасюковщина*, *китаизм*, *усибирить* ‘сослать на каторгу’, *окулёмываться* ‘надевать на себя много одежды’, *петрухаться* ‘вести себя, как разгильдяй, как Петруха’, *марьянить камасутрить*, *иванморы*, *иваниться* ‘важничать’ и мн.др.), а также вторично онимизированные коннотативные топонимы (многочисленные *Соловки*, *Камчатки*, *Сахалины*, *Амуры* и др.).

В.М. Шаклеин полагает, что словарь по существующей классификации “можно отнести к так называемым тезаурусным словарям”, он “ориентирован на живой, находящийся в постоянном движении и развитии русский язык”. Таким образом, можно думать, что первый опыт такого словаря коннотонимов состоялся, и теперь можно судить (пусть и в “первом приближении”) о размере и стратиграфии сообщества собственных имен, которые мы именуем коннотативными онимами, или коннотонимами, различающихся по референтной принадлежности, по широте распространения и известности, активности использования, объему смысловой структуры, степени сохранения добавочных смысловых “обертонов”, эмоциональной окрашенности и т.д.

Что предстоит сделать и что уже делается сейчас? Ведь лексикограф никогда не признает свою работу законченной, и его “перпетум мобиле” будет стучать до тех пор, пока стучит его сердце. Прежде всего следует и дальше фиксировать употребления уже попавших в словарь коннотативных онимов, расширить корпус источников, продолжить накопление контекстов, в которых осуществляется вторичная номинация посредством семантически обогащенных онимов и от характера которых зависит актуализация тех или иных сознаний у поликоннотемных собственных имен, а также зарождение новых сознаний. Словарь хорошо показывает “разнослойность” смысловой структуры многих поликоннотемных СИ: наряду с узуальными коннотациями в них нередко присутствуют и окказиональные сознания. Это или эмбрионы будущих устойчивых коннотаций (так сказать, “перспективные” окказиональные образования), или уникальные индивидуально-авторские, которые в будущем могут и не узуализоваться, но своим появлением свидетельствующие о репродуктивных возможностях коннотонима, об открытости его смысловой структуры, способности к расширению референтной базы. Кроме того, тексты содержат весьма надежные графические маркеры (строчная или прописная буква, кавычки или их отсутствие, иногда – курсив) – сигналы об особенностях авторского восприятия и употребления собственных имен, степени их коннотативной “энергоёмкости”. Словарная статья в следующем издании словаря будет иметь еще большее количество иллюстративного материала, благодаря чему могут сдвинуться нижние хронологические рубежи фиксации коннотонимов, будут полнее представлены разные виды их графической репрезентации в текстах разного времени и разных авторов, окажется шире круг словесного сопровождения коннотонимов – “слов-спутников”, семантически влияющих и эмотивно окрашивающих коннотонимы (*свой, просто, прямо* и т.д.).

В существующих изданиях словаря (донецком и московском) представлено около 550 коннотонимов (плюс множество их вариантов – графических, фонетических, словообразовательных, которые не стали заголовочными словами). Количество словарных статей, безусловно, может быть увеличено, но, скорее всего, не намного. Появятся новые словарные статьи с заголовочными словами: *Барби, Синди, Джек-потрошитель, Чикотило, Брахмапутра, Дюймовочка, Гог и Магог, Геенна, Камасутра, Танька, Джоконда, Маугли, Византия, Робеспьер, Зазеркалье, Муму, Лулу, Горпина, Папарацци, Тюткин, Пупкин, Мегера, Венера* и др. В существующем издании отсутствует и во втором (дополненном), по видимому, также не будет романтического имени *Нина*, которое в русском культурном сознании конца XVIII и первой трети XIX в. ассоциировалось с образом светской роковой женщины (ср. выражение “миф о Нине”), но при этом, ввиду отсутствия в нём референтной коннотации (в отличие от *Клеопатры* с узуальной коннотацией ‘обольстительница’), в процессах вторичной номинации не участвовало. “Подготовленное к статусу романтического имени всем ходом предшествующего культурного развития <...> оно было поднято на вершину романтизма и окружено особым романтическим ореолом благодаря поэме А.Б. Боратынского «Бал» (1825-1828)...” [11, с.35-36].

Словарь пополнится новыми интерпретациями ранее установленных сознаний и мотивов вторичной номинации (это касается, например, словарных статей с заглавными коннотонимами *Иван, Иванов, Америка, Лилит, Тмутаракань, Аркадия*), а также многими отконнотонимными дериватами, большая часть которых обнаружена в последнее время, – такими, как *церебратушки; Иваненко, Петренко, Сидоренко; аристархит, Жуана* и т.д. Предпоследний из них был обнаружен в послании А.Е. Измайлова Н.А. Полевому (1826 г.): “Будь умнее, / Перестань ты / *Аристархит* / И печатать / Своевольно / Вздор курсивом...” (в примечании к своим стихам автор сообщает, что это “выражение, изобретенное Г. Полевым”). *Жуана* – это Дон-Жуан “женского пола”, искательница чувственных наслаждений, искусительница. Этот отконнотонимный окказионализм редкой разновидности создал и употребил Аполлон Григорьев в романе «Отпетая» (1847), написанном стихами: “Жуанов и Ловласов племя ныне / Уж вывелось – героев больше нет; / Герой теперь сдал место героине, / И не Жуан – *Жуана* нынче свет / Дивит своим презрением к святыне / Любви и счастья, дерзостью побед... / Змеиной гибкостью души своей и стана, / Пантеры злостию – вперед, вперед, *Жуана*”. Оба примера свидетельствуют, что отконнотонимная окказиональная деривация

имела место уже в первой половине позапрошлого столетия (хотя случаи ее тогда еще крайне редки), и протекала она параллельно с образованием “чистых” отонимных окказионализмов, в которых референтная коннотация отсутствовала (ср. известные пушкинские отонимные словообразовательные окказионализмы: “и кюхельбекерно, и тошно” и “огончарован”).

Продолжается доработка ряда словарных статей и в плане более глубокого обоснования мотивов вторичной номинации посредством коннотонимов. Например, тех из них, которые “религиозно” маркированы. Один из них – *Оклитиан*. В народных говорах он испытал деонимизацию и приобрел значение ‘злой человек’ и, как следствие его дальнейшего смыслового развития, – ‘скупердай, скряга’. В обследованных источниках употребление этого слова в качестве коннотонима нами не отмечено. Оно присутствует в народных говорах уже как отконнотонимный апеллятив. Из церковной истории известно, что Диоклетиан, римский император III-IV вв., был ревностным гонителем христиан. Отсюда и пейоративная референтная коннотация не старинного личного мужского имени *Оклитиан/Оклитиян* в его народной адаптированной форме (с устранением внутреннего зияния и отсечением начального компонента *Дио-*, восходящего к *Dios* – форме родительного падежа мифонима *Zeus* ‘Зевс’), а личного имени конкретного исторического лица.

Одним из результатов семантико-словообразовательного развития коннотативного имени *Афины* является отконнотонимный апеллятив *ахинья* ‘чепуха, заумь’, о чем подробно говорится в соответствующей словарной статье. К сказанному в ней следует добавить, что Афины были центром языческой культуры, что и обусловило амбивалентность референтной коннотации этого поэтонима: закрепившейся в современном употреблении – ‘очаг культуры, образования’ и уже утраченной – ‘центр дохристианской, языческой культуры’, а значит “немудрой” и “хитрословесной” культуры. Это не “мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская” (Иак. 3,15). В древнейшем «Акафисте Пресвятой Богородице» говорится уже об “афинейских плетениях” (икос 9), т.е. букв. афинских, или языческих, “немудрых”, “хитрословных” (с точки зрения христиан). Обращение к библейским текстам подтверждает этимологическую связь апеллятива *ахинья* и топонима *Афины* и показывает, что это один из древнейших деконнотативов с погасшей референтной коннотацией.

Возможно, в новое издание словаря будет включен и давно переставший быть собственным именем библейский коннотативный оним *Геенна* – частое именование ада, места вечных мучений

в Новом завете (нередко с определением *огненная*). Это один из отконнотонимных апеллятивов церковных текстов. Первоначально *Геенной* называлась долина возле Иерусалима, в которой находилась печь с постоянно полыхающим огнем. В ней идолопоклонники сжигали своих детей, принося их в жертву идолу Молоху. В отличие от других коннотативных топонимов библейского происхождения, таких как *Армагеддон*, *Эдем*, *Голгофа*, *Сион*, деконнотатив *геенна* (в Остромировом евангелии геона) очень рано утратил связь со своим референтом и пережил деэтиологизацию. В русском (и даже шире – христианском) культурном и языковом пространстве он давно присутствует в качестве библейского отконнотонимного апеллятива. В значении ‘ад’ слово *геенна* использовалось и русскими писателями позапрошлого века; например, в повести О.И. Сенковского (Барона Брамбеуса) «Новоселье» (1833 г.): “– Велю замять тебя с глиною и переделать на кирпич для починки печки в геенне...”. Среди библейских коннотонимов есть и такие, которые, как и *Геенна*, очень давно потеряли свои референтные коннотации, но, в отличие от нее, продолжают употребляться в русском языке уже как “чистые”, или “абсолютные”, онимы, например, хороним *Эфиопия*, который в Псалтыри еще встречается с символическим значением ‘далекий край земли’.

Освоение библеизмов продолжается и сейчас. Подтверждением этому служит актуализация и семантическое расширение в последние десятилетия библионима *Апокалипсис* – однословного варианта полного названия христианской церковной книги из «Нового завета» – «Откровения (< ’αποκάλυψις’ ‘откровение’) Святого Иоанна Богослова». Этот библионим к концу прошлого века становится синонимом уже присутствовавшего в коннотонимии русского языка другого онимного библеизма – изначально топонима и хрононима *Армагеддон*, названия местности в Палестине, где на исходе времени произойдет последняя решающая битва между силами Христа и сатаны, добра и зла. В общеречевом употреблении нашего времени библионим *Апокалипсис* очень быстро превратился в деконнотативный апеллятив, но “отголоски” его прежнего онимического состояния можно встретить в редких случаях написания со строчной буквы, например, “моральный Апокалипсис” (в статье А. Лиханова, напечатанной в журнале «Здоровье», 1987, №7). Всё сказанное обязывает нас включить лексику *Апокалипсис* в следующее издание словаря на правах онимного библеизма с очень кратким “периодом жизни” в качестве коннотонима и уже превратившегося в отконнотонимный апеллятив. Примеры такого его использования в 70 – 80-е гг. прошлого века впервые собрал и прокомментировал В.В. Касаркин [2, с.104-106].

Проблематичным остается присутствие в словаре некоторых статей (хотя, в принципе, такие “проблематичные” статьи в словаре вполне возможно – они сигнал для будущих исследователей). Это, например, касается словарной статьи о коннотониме *Филон*. И.Г. Добродомов высказывает предположение, что жаргонный апеллиатив *филон* ‘бездельник, разгильдяй’ является редериватом отыменного глагола *филонить* ‘бездельничать’, который, в свою очередь, образовался от существительного *pluralia tantum* *филоны* (*пилоны*), в речи жгонов (пимокатов) означавшего ‘полати, досчатый настил в избе для спанья под потолком’ [1, с.30-33]. При таком толковании жаргонизма *филон* неясным остается вопрос о происхождении жгонского (или офенского) именованья полатей. Оно хорошо мотивируется связью с уже редким старинным каноническим именем *Филион* (от греч. *philion* ‘более дорогой, более любимый’), при адаптации утратившим зияние в последнем слоге. Его звуковая форма помогла ему на какой-то период в начале XIX в. стать поэтическим именем, а за рамками литературного употребления (тоже благодаря особенностям этой формы – в первую очередь начальному звуку *ф*, как и в личных именах Фома, Фёкла, Фатюй, Федул, Фаля, Филя и др.) получить негативную референтную коннотацию ‘лентяй, бездельник’. В жаргоне и диалектной речи хорошо известен способ именованья неодушевленных предметов при помощи личных имен (только часть которых в момент номинации могла иметь коннотации), например: *стёпа* ‘топор’, *сидор* ‘мешок’, *фомка* ‘небольшой лом для взлома запоров’, *фофан* ‘телогрейка’, *иваны* ‘массивные тумбы сетевыборочной машины на рыболовных траулерах’, *ванёк* ‘мусорный ящик’, *параша*, *фаныч* ‘бак’, ‘бутылка спиртного’ и т.д. Поэтому коннотативным антропонимом *Филон* или его смысловым продолжением – отконнотонимным апеллиативом *филон* ‘бездельник, лодырь, симулянт’ вполне могло быть мотивировано именованье настила для спанья под потолком в крестьянской избе: это место, где спят, отдыхают, а не работают, т.е. бездельничают поневоле или по необходимости. С учётом всего сказанного, можно допустить, что лексема *филон* изначально в русском языке была собственным именем, а жаргонизм *филон* – следствие его смысловой эволюции, в которой в качестве связующего звена принял участие эмоционально окрашенный коннотативный оним. Поэтому *Филон* должен остаться в словаре коннотативных онимов. С этих позиций слова *филон* и *филонить* должны рассматриваться в историко-этимологическом словаре жаргонных слов и выражений.

Работе над расширением словаря будет сопутствовать создание его электронной версии,

которую можно будет неограниченно и оперативно пополнять новыми словарными единицами и обширным текстовым материалом, дающим более полное представление о поведении коннотонимов, о разнообразии лексических и синтаксических групп, в которые они входят, о синтаксической и словообразовательной валентности коннотонимов в разные периоды их исторической жизни и т.д.

Эту обращенность нашего словаря на долговременную перспективу его пополнения, обновления, концептуального и лексикографического совершенствования весьма образно выразила в своей рецензии М.А. Рут: “...Становится совершенно ясно, что перед нами не завершающий аккорд долгого труда, а лишь его начало – таков характер этого материала, и, пользуясь коннотонимами, можно утверждать, что автор стал Колумбом для материала по имени Коннотонимия и в роли такового сам вряд ли до конца представляет, как по-настоящему выглядит открытая Америка, что отнюдь не снижает значимости предпринятого им деяния. <...> ...Он сделал, что было в его личных силах, и то, что им сделано, заслуживает и даже требует кропотливого продолжения многими и многими исследователями” («Вопросы ономастики», 2005, №2, с.180-181).

Все рецензенты отметили, что словарь, о котором идёт речь, – первое в славянской (а Ю.А. Карпенко полагает, что и в мировой) лексикографии собрание коннотативных онимов различных типов. Есть надежда, что он стимулирует создание подобных словарей и по другим славянским и неславянским языкам. Когда будет создан целый корпус таких разноязычных словарей, появится перспектива сопоставительного изучения коннотонимий разных языков, принадлежащих общему или разным культурно-историческим пространствам. Это будет новое направление в пока еще очень слабо развивающейся сопоставительной (сравнительно-сопоставительной, контрастивной) ономастике.

Заманчива и перспектива составления словарей окказиональных коннотонимов (в первом издании нашего словаря они присутствуют спорадично и включены в него только с одной целью – показать их отличие от узальных коннотонимов). Это могут быть словари окказиональных коннотонимов одного писателя (например, А.И. Герцена, тонко чувствовавшего оттенки семантически обогащенных онимов и нередко использовавшего их в своей литературной практике), или писателей одного литературного направления, объединенных общностью стилевых поисков и находок (например, окказиональные коннотонимы в поэзии акмеистов), или коннотативных онимов в языке современных средств массовой информации и публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добродомов И.Г. О Филонах и филонах//Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. – 2004. – №6 (78).
2. Касаркин В.В. Апокалипсис//Русская речь. – 1990. – №6.
3. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.; Л., 1952. – Т.7.
4. Ляпунов Б.М. О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках//Академия наук СССР – академику Н.Я. Марру. – М.; Л., 1935.
5. Отін Є.С. Конотативна ономастична лексика//Мовознавство. – 1978. – №6.
6. Отин Е.С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении//Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980.
7. Отин Е.С. Типология коннотативных онимов и их производных//Українська пропріальна лексика. – Київ, 2000.
8. Отин Е.С. Принципы построения коннотационного словаря русских онимов//Русское языкознание. – Киев, 1986. – Вып.13.
9. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка//Вопросы языкознания. – 2003. – №2.
10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004. – 412 с.
11. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. – М., 2003.
12. Перечень предварительных публикаций словарных материалов см.: Слово и мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии наук и искусств. Гуманитарные науки. – Донецк, 2003. – Вып.3. – С.155-156.
13. Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. – М., 2004. – Т.1.
14. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. – М.; Л., 1959. – Т.1.
15. Чернышев В.И. Происхождение некоторых нарицательных имен собственных. *Омельфа, Охреян, Охрюта, Пентюх*//Язык и мышление. – М.; Л., 1935. – №3-4.
16. Щерба Л.В. Опыт общей лексикографии//Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Отін Є.С.

СЛОВНИК КОНОТОНІМІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ: ДОСВІД РОБОТИ, ПЕРСПЕКТИВИ РОЗШИРЕННЯ ТА ВДОСКОНАЛЕННЯ.

У статті висвітлюється історія створення першого в ономастичній лексикографії словника конотативних власних імен, намічаються перспективи подальшої роботи з його вдосконалення і поповнення новими матеріалами (“Λογος όνομαστική”, №1, 2006, с. 66-71).

Ключові слова: конотативний онім (конотонім), словник.

Отин Е.С.

DICTIONARY OF RUSSIAN CONNOTONOMS: WORK EXPERIENCE, WIDENING AND IMPROVEMENT PERSPECTIVES

The article deals with the creative history of the first dictionary of connotative proper names in onomastic lexicography, perspectives of widening and improvement of new materials (“Λογος όνομαστική”, №1, 2006, с. 66-71).

Key words: dictionary, connotative onym (connotonym).